

Нарезав охапку гвоздик и жасмина, Се Синчэнь вернулся на борт звездолета, чтобы провести анализ.

Результаты исследования заставили его изумиться.

Он задумчиво разглядывал ровные строчки отчета.

Что-то здесь явно шло не так. С тех самых пор, как он принялся исследовать Землю и отправлять на анализ образцы найденных растений, всё складывалось подозрительно гладко. Похоже, наметилась весьма любопытная закономерность: ни в одном растении, внесенном в системный справочник, не обнаруживалось и следа темной материи.

— Неужели это какая-то поблажка от Системы? — пробормотал он себе под нос, нахмурившись.

В самом деле, у дикорастущих видов темная материя присутствовала в избытке, а у тех, что требовала собрать Система, ее словно и не бывало. Подобное избирательное чудо трудно было объяснить простым совпадением. Но пока данных не хватало, все эти выводы оставались лишь догадками.

— Да ну его, — отмахнулся Синчэнь. — Буду делать то, что велит Система, и дело с концом.

Настоящая «солёная рыба» должна уметь плыть по течению! Когда на твоих плечах висит забота о целой планете, последнее, что нужно делать — это изводить себя тревогами наперед.

Приведя в порядок и промаркировав пробирки с пробами, Се Синчэнь собрал оставшиеся веточки жасмина и гвоздики Фэньцзуань Каннайсинь и отправился к своей самой первой цветочной делянке.

К настоящему времени на этой некогда безжизненной горе он успел распахать уже двадцать му земли, однако засадить и довести до ума пока удалось лишь пять. Все деланки располагались бок о бок. Та, что находилась в самом центре, была оборудована умным распылителем и защитным куполом. Это было семенное поле — святая святых, его личный Ноев ковчег, где бережно укрывались ценные семена.

После нескольких перепланировок эти пять му приняли вполне благообразный вид. Ровными рядами зеленели саженцы: один му был отведен под османтус, еще один занимали красные розы, два му уходили под нежно-лиловую лаванду, а на последнем раскинулись грядки с пряными травами.

Османтус в естественных условиях зацветает лишь через два-три года. Сколько бы Синчэнь ни подпитывал молодые кустики своей духовной силой, бутоны упорно не желали завязываться. Стало быть, рассчитывать на собственное цветение к открытию лавки не приходилось.

Впрочем, у него оставался запасной план. Парень решил наведаться к тому гигантскому дикому османтусу и обобрать его веточки, чтобы набрать сырья на первое время.

Жасмин тоже зацветал нескоро, года через два, а то и три. К счастью, это растение отличалось неприхотливостью. К тому же Синчэнь ранее наткнулся на целую жасминовую рощу. Особой нужды усердно выращивать кусты на делянке не было — достаточно было время от времени наведываться в «лес» и собирать дикорастущие цветы для выполнения системных поручений. Завершив черенкование жасмина, он лишь плеснул в лунки немного раствора для роста и предоставил саженцы самим себе.

Душистый жасмин лишился даже малой доли личного внимания хозяина: Синчэнь не выделил ему ни капли духовной энергии. Сейчас все его силы до последнего остатка требовались гвоздикам Фэньцзуань Каннайсинь.

Именно в этой гвоздике Фэньцзуань Каннайсинь он видел свой главный козырь. Пусть она уступала красной розе в броской пышности и страстной яркости, в двадцать первом веке ее популярность среди покупателей порой превосходила классические букеты. В самом деле, кто устоит перед деликатным, сливочно-розовым оттенком лепестков? Этот сорт по праву считался вершиной изыска. От одного взгляда на эти трогательные зефирные бутоны даже у суровых мужчин в душе просыпался невольный восторг.

Срок созревания гвоздик составлял около ста сорока — ста шестидесяти дней. По своим свойствам они мало чем отличались от лаванды, так что Синчэнь прекрасно понимал, как с ними работать. До официального открытия цветочной лавки оставалось ровно две недели.

Парень прикинул: если отдавать все силы без остатка исключительно гвоздикам, за две недели он сумеет провести три цикла размножения. Три поколения — и к моменту открытия магазина у него поднимется целый му нежно-розового ковра!

Не теряя ни минуты, Синчэнь составил жесткий график работы на износ и снова погрузился в изнурительную рутину, курсируя исключительно между делянкой и звездолетом.

Упорный труд принес свои плоды. За день до открытия лавки гвоздики Фэньцзуань Каннайсинь наконец заняли обещанную площадь в один му.

Стоя посреди благоухающего моря розовых бутонов и любуясь плодами своего двухнедельного подвига, Се Синчэнь улыбался шире любого крестьянина в пору жатвы. На фоне заходящего солнца его тонкое, красивое лицо словно светилось изнутри.

С тех пор как он покинул Центральную планету и прибыл на Землю, прошло чуть больше месяца, но за это время он заметно повзрослел. И всё же, несмотря на зрелость, юношеское очарование никуда не делось. Его глаза по-прежнему сияли — тем самым чистым, искренним светом надежды, какой редко встретишь у взрослых, давно растерявших способность радоваться мелочам.

Синчэнь оставался исключением. В свои двадцать два года он сохранил удивительное, почти детское восприятие мира. Он был похож на утреннее солнце — теплое, мягкое, чуточку наивное, но несущее ясный и чистый свет.

****[Внимание! Получено новое входящее сообщение.]****

Звуковой сигнал оптического компьютера вырвал Синчэня из состояния блаженной гордости. Надо же, неужели кто-то решил ему написать? Парень удивленно вскинул брови.

Еще по дороге на Землю, находясь на борту межзвездного лайнера, он безжалостно вычистил список контактов, избавившись от всех ненужных людей. И дело было вовсе не в предвзятости: те, с кем прежний владелец тела общался чаще всего, оказались лицемерными прихлебателями, втайне презиравшими его. Немногие же достойные люди из этого списка едва ли давали о себе знать чаще пары раз в год.

Сгорая от любопытства, он коснулся экрана. Едва скользнув взглядом по имени отправителя, Синчэнь почувствовал, как мгновенно отпустило невольное напряжение.

Увидев теплое, участливое послание от Ни Куньци, парень немного поколебался и решил вместо текстового ответа набрать ее по видеосвязи. Видимо, учитель тоже ждала у терминала — вызов был принят почти мгновенно.

Внимательно всмотревшись в экран, Синчэнь сразу заметил тень беспокойства в глазах собеседницы. С экрана на него смотрела приятная, мягкая женщина средних лет.

— Здравствуй, Синчэнь, — негромко и ласково произнесла она. — Давно не виделись. Как твои дела? Как устроился?

Душевная интонация Ни Куньци помогла Синчэню окончательно успокоиться. Тем не менее это была его первая личная встреча с кем-то, кто действительно дорожил прежним хозяином этого тела, поэтому он всё еще чувствовал себя немного скованно.

Ни Куньци, впрочем, истолковала его неловкость по-своему: она решила, будто юноша опасается расспросов о том, почему он покинул общие учебные чаты. От этой мысли ее взгляд потеплел еще сильнее.

— Не переживай так, глупый, — мягко улыбнулась она. — Я звоню вовсе не для того, чтобы отчитывать тебя за выход из групп.

В ответ Синчэнь лишь смущенно улыбнулся, не зная, что сказать.

Хоть парень и отмалчивался, выглядел он куда более бодрым и здоровым, чем в их последнюю встречу перед каникулами, и это не могло не радовать преподавательницу.

— Знаешь, Синчэнь... — Ни Куньци вздохнула, глядя на него с материнской нежностью. — Я не знаю, через что тебе пришлось пройти за эти недели. Но видя, что ты наконец сумел вырваться из этих тягостных отношений и начал ценить себя, я чувствую облегчение.

— Я тоже очень рад, — искренне ответил Синчэнь, слегка прикусив губу.

Ее лицо озарилось улыбкой. Женщина долго всматривалась в его черты, словно ища в них ответы на собственные вопросы, а затем негромко заговорила, делясь наболевшим:

— Синчэнь, тебе известно, почему среди всех студентов ты всегда был мне ближе остальных? Ты ведь до безумия напоминаешь меня саму в молодости. Я тоже когда-то слепо верила в любовь, считала ее центром своей вселенной и самым важным, ради чего стоит жить. И отдала за эту иллюзию слишком высокую цену.

В ее голосе скользнула легкая грусть пополам с досадой на былые ошибки. Но это минутное помутнение быстро сменилось привычной деловитостью и легкостью:

— Все мы в юности склонны превозносить свои чувства до небес. Но стоит скинуть это наваждение, как понимаешь: порой любовь — лишь красивая приманка, расставленная капканом. И то, что казалось незыблемой истиной, оборачивается пустым пшиком. Я несказанно рада, что ты сумел преодолеть этот кризис. И еще больше рада видеть, как ты взялся за ум. Чувства чувствами, Синчэнь, но поверь моему опыту: собственное дело греет куда надежнее! Я ведь знаю, какой у тебя потенциал. Ты способен утереть нос любому из тех, кто сомневался в тебе. Раз уж ты решил перевернуть эту страницу, не оглядывайся назад и не сомневайся. Двигайся только вперед, с тем же упорством!

От этих слов Синчэнь растерялся. До него наконец дошло, почему Ни Куньци выделяла его среди прочих — даже больше, чем примерного Юй Чэна. Они были родственными душами, совершившими одинаковые ошибки.

В голове вихрем закружились мысли. Он молчал, собираясь с духом, а женщина по ту сторону экрана терпеливо ждала. Лишь когда парень уверенно и твердо кивнул, лицо Ни Куньци осветилось искренней радостью.

— Вот и умница! — облегченно вздохнула она. — Настоящий боец. Мне пора возвращаться к работе — сейчас как раз идет важный этап синтеза нового раствора для роста, так что не заставляй меня лишний раз волноваться, договорились? И насчет выпускного: если нет желания являться на церемонию, просто проигнорируй ее. Там соберутся люди, чье мнение для тебя ничего не значит. Не стоит тратить душевные силы на пустые формальности.

В ее голосе зазвучали властные нотки истинной гордости — той самой, что выдавала в ней не просто заботливую наставницу, а ведущего профессора Первой академии человеческой цивилизации.

Синчэнь понимающе улыбнулся. Ни Куньци подхватила его улыбку и, присмотревшись к заднему плану на экране, с любопытством спросила:

— Кстати, а что это за цветы у тебя за спиной? Твоя работа?

Вместо ответа он развернул камеру оптического компьютера, показывая раскинувшиеся делянки. Волны изысканной сиреневой лаванды, пылающие бутоны красных роз и зефирное великолепие гвоздик предстали перед женщиной во всей красе. Картина была поистине завораживающей.

На лице Ни Куньци отразилось глубокое изумление, плавно перешедшее в искреннее восхищение.

— Синчэнь... — выдохнула она. — Мое чутье меня не подвело. Ты проделал невероятную работу!

Похвала наставницы наполнила душу Синчэня теплом. Всего несколько минут общения заставили его проникнуться искренним уважением к этой сильной и одновременно чуткой женщине.

— Учитель, — воодушевленно предложил он, — я как раз открываю цветочный магазин на просторах звездной сети. Завтра первый день работы, всё уже готово. Не желаете заглянуть на открытие?

Ни Куньци весело рассмеялась:

— Спрашиваешь! Разумеется, загляну. Давай я завтра даже побуду у тебя за прилавком, помогу завлечь первых клиентов?

Отлично понимая, насколько загружен график профессора, Синчэнь не на шутку испугался такой перспективы и замахал руками:

— Что вы, ни в коем разе! Вашего присутствия будет более чем достаточно, не стоит так утруждаться!

Однако преподавательница и слушать ничего не пожелала. С добродушным упрямством заявив, что вопрос решен, она завершила вызов, лишив его возможности возразить. Подобная безапелляционность заставила Синчэня растерянно покачать головой, но на сердце у него потеплело.

Как ни прискорбно, из всех людей, с которыми был знаком прежний Се Синчэнь, по-настоящему теплыми чувствами к нему обладали лишь двое: старый дворецкий Се Дао, вырастивший его с пеленок, и эта чудесная женщина.

Юноша очень дорожил их хорошим отношением, а потому попытался перезвонить, чтобы уладить этот вопрос. Но Ни Куньци уже отключила терминал, и его попытки связаться пропали втуне.

Делать было нечего — пришлось смириться. Парень мысленно решил, что завтра найдет способ как следует отблагодарить наставницу. Ломя голову над тем, какой приятный подарок преподнести профессору Ни, Се Синчэнь даже не подозревал, что ее визит убережет его от одной мелкой, но крайне назойливой неприятности.

<http://bllate.org/book/18420/1795940>